

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "GLOBUS"
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»
(23 сентября 2016г.)**

г. Санкт-Петербург- 2016

© Научный журнал "Globus"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Globus" по материалам XII международной научно-практической конференции: «Общественные науки в современном мире» г. Санкт-Петербурга: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – С-П. : Научный журнал "Globus", 2016. – 48с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал "Globus"

Электронная почта: info@globus-science.org.ua

Официальный сайт: www.globus-science.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Данильченко С.Л.
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XX ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И
РАЗВИТИЕ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ
..... 4
- Хорошилова Л.Б.
«БРАК БЕЗ ЛЮБВИ ХУЖЕ ПРОСТИТУЦИИ»: РУССКИЕ ЖУРНАЛЫ
ДЛЯ ЖЕНЩИН О БРАКЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.) 10
- Яцук С.К.
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ ВО
ВЗГЛЯДАХ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ЖАНА БОДЕНА 17

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Трипузов М.Г.
«ГОРОДСКИЕ НИЗЫ» В ЗЕРКАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
(НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКА XIX ВЕКА) 21

ФИЛОЛОГИЯ

- Алиева Н.Я.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК LITERARY
LANGUAGE AND SPOKEN LANGUAGE 28
- Габбазова Р.Ф.
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ- ЗООНИМОМ
«КОНЬ» В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ 31
- Коробкина Н.И.
ГИБРИДНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЦИИ В
ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
..... 36
- Лашина Е.Б.
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В МИКРОТЕКСТАХ
«ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЖА» 43

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В XX ВЕКЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Данильченко С.Л.

У современных историков, несмотря на национальные особенности, немало общих черт, образующих единый методологический каркас. Противопоставление истории естественным наукам сменилось убеждением в их принципиальной общности. Усвоение междисциплинарных методов, методов социальных и отчасти естественных наук стало магистральной линией ее обновления, что привело к росту глобального гносеологического оптимизма историков. В поисках новой методологии исторического познания противники неокантианских воззрений обратились к структурализму, разработанному французскими учеными в лингвистике, а затем распространенному и на некоторые гуманитарные науки. Структуралисты видели решение задачи максимального устранения субъективизма из процесса познания, во-первых, в надлежащем выборе объекта исследования, во-вторых, в применении новых методов в процессе познания. Они выделяли категорию так называемых «бессознательных структур», свободных от субъективных моментов - экономические отношения, система обычаев и традиций, мифы, верования. Другой способ устранения субъективного элемента из самого процесса исследования они усматривали во внедрении в историческую науку методов естественных наук, главным из которых в познании социальной жизни является построение и изучение типологической модели [1]. Новая методология, выдвинув в качестве главного объекта исследования общественные структуры, открыла возможность изучения социально-экономических проблем и массовых явлений социальной жизни. Все это значительно расширило спектр исторических исследований, привело к появлению новых исторических дисциплин. Само формирование и развитие новой методологии исторического познания испытало на себе воздействие марксизма - прямое или чаще через леворадикальную мысль. Один из основателей структурализма К. Леви-Стросс писал, что понятие структуры он «заимствовал, в частности, у Маркса и Энгельса» [2, р.364]. Но это не значит, что новая научная история стала на промарксистские позиции, большей частью объект исследования нередко встраивался в историко-социологическую схему - доиндустриальное (традиционное) общество, общество эпохи промышленной революции, индустриальное и постиндустриальное общество. Не исчезли и мировоззренческие различия среди историков, они сказались не только в трактовке исторических процессов, но и в выборе самих объектов исследования. Одна из главных тем «новой исторической науки» - внутреннее состояние общества и отдель-

ных его групп, соотношение в нем факторов экономической, социальной и политической стабильности и факторов, порождающих социальную дисгармонию. Историки праволиберального направления обращали главное внимание на изучение устойчивых общественных структур и институтов, исследователи радикально-демократического направления отдавали предпочтение разработке проблем массового поведения и массового сознания. Вместе с выходом «новой исторической науки» на новую тематику изменилась и методика исторического исследования. Существенными ее элементами стали количественный анализ и междисциплинарный подход. Главные области их применения - экономическая, политическая и особенно социальная история. Не вполне адекватное название «новая историческая наука» происходит от латинского «scientia» - наука. Термины «наука», «научный», принятые в историографии США, обычно отождествляются с естественными науками и количественными методами. Во Франции принято более осторожное название «новая история». Колоссальный рост объема исторической информации требовал новых средств для ее обобщения и типологизации. Возникновению количественных методов изучения истории способствовал и прогресс самой математики - рост интереса к проблемам структур, развитие типологии, прошедшие практическую проверку на материале прикладной социологии, лингвистики. На первом этапе «количественная история» использовала известные статистические приемы лишь для подтверждения исторических описаний. Но затем количественный (квантитативный) метод начал применяться при компьютерной обработке источников по составленной заранее программе. Отмечая эти новые явления, французский историк Р. Робен писала: «Статистика окончательно стала помощницей исторических наук. История цен и избирательная статистика, структура собственности и состав библиотек, брачные контракты и приходские записи актов гражданского состояния - все стало предметом классификации, кодирования. Историк стал статистиком, демографом, социологом, для него не составляют более тайны статистические вариации, логарифмические графики»[3, p.15].

В 1960-80-е годы движение за «новую историческую науку» приобрело международный характер, и выявились ее общие черты. Шел интенсивный обмен идеями между французской школой «Анналов», английской «народной историей», группами историков-демографов и «рабочих историков» Кембриджа и Оксфорда, немецкими университетскими центрами в Билефельде и Гейдельберге, институтом М., Планка в Гёттингене, многими университетскими центрами по количественной истории в США, итальянскими историками, группирующимися вокруг журналов «Общество и история» («Società e Storia»), «Исторические тетради» («Quaderni Storici»). «Новая историческая наука» получила распространение в странах Латинской Америки и Скандинавии. В то же время в каждой из национальных историографий «новая историческая наука» имела свою специфику, связанную с особенностями формирования, традициями исторической науки,

своеобразием общественно-политического климата - все это повлияло на выбор историками разных стран тех или иных методологических и методических средств.

Во французской историографии направление «новой исторической науки» начало складываться ранее, чем в какой-либо другой стране. Элементы новой модели исторического познания начали утверждаться еще в начале XX века, когда возникли социологическая школа Э. Дюркгейма и научный центр «исторического синтеза» А. Берра. Главной задачей исторической науки они считали синтез на базе тесного взаимодействия социологии и самой исторической науки. Сложившаяся в 1930-х годах школа «Анналов» находилась под воздействием Дюркгейма и Берра и испытала отчасти влияние марксизма. Основную задачу историки этой школы видели в создании всеобъемлющей («глобальной») истории - истории синтетической, использующей результаты исследований общества как с социальной и экономической, так и с психологической, моральной и других точек зрения. Школа «Анналов» считала необходимым все время обновлять методы исторического исследования, взаимодействуя с другими науками. «Новая историческая наука» 1970-1980-х годов во Франции по своему происхождению и многим исследовательским подходам связана со школой «Анналов». В то же время она отличается по ряду применяемых новых методов и происшедшему определенному дроблению проблематики исследований. С одной стороны, произошло расширение тематики с использованием достижений смежных наук, междисциплинарный подход включал демографию, этнографию, антропологию, лингвистику. На первый план выдвинулись – «антропологическая история» - изучение бытовой культуры и повседневной жизни людей, история семьи, сексуальных отношений, болезней и «история ментальности» - история коллективных представлений и коллективной памяти. Во французской историографии под сильным влиянием США стали использоваться количественные методы, особенно в изучении экономической истории и исторической демографии, но и не столь широко, как в американской историографии.

В самих США в поисках родословной «новой исторической науки» исследователи обращаются к началу XX века - деятельности Ф. Тернера и его учеников из Висконсинского университета, к трудам представителей политической социологии Колумбийского и Чикагского университетов, отмечавших необходимость привлечения историками данных и методов социологии, психологии, литературы, искусства. Но практическое формирование новой научной истории началось лишь в 1950-х годах. Большую роль при этом сыграло и развитие как прикладной социологии в США, так и теоретической, именно американцем Т. Парсонсом была разработана «теория социального конфликта», столь широко примененная впоследствии историками. «Новая историческая наука» развивалась в США стремительно и с большим размахом, охватив все главные проблемно-тематические области - экономическую, политическую и социальную ис-

торию. Влиятельным направлением «новой исторической науки» стала «новая социальная история». Ее формирование в 1960-х годах началось в университетах Питсбурга, Чикаго, Рочестера и проходило под сильным влиянием европейской историографии, прежде всего французской школы «Анналов» и английской «новой социальной истории». Организующая логическая цепочка в изучении социальной истории США - социальная структура - социальный конфликт - социальные изменения. Плодотворным было взаимодействие либеральных, радикально-демократических и историков марксистской ориентации в сфере «новой рабочей истории». Организационно оно выразилось в совместной работе в журнале «Рабочая история» («Labor History»). Сквозной темой «новой рабочей истории» стало изучение сознания и поведения рабочей массы, изменения их в зависимости от формирования социокультурной среды. В целом изучение социальной истории США значительно расширило диапазон исследований, демократизировало американскую историческую науку. Один из основателей новой социальной истории в США Д. Б. Ратмэн восторженно писал: «Новый социальный историк проникал в спальни, чтобы изучить интимные подробности, присаживался к постели больного для выяснения социальных последствий болезни, надеясь достичь ощущения характера и размера долговых сетей, заглядывал через плечо лавочника, когда тот вносил записи в конторскую книгу. Историк или скорее его компьютер - поглощал том за томом протоколы, цензы, городские адресные книги и тому подобное, учитывая, классифицируя и соотнося число детей, родственников, домочадцев, семей, профессий, прядильных фабрик и ткачей. Кто был грамотным, а кто нет; кто черный, кто белый; кто двигался в социальном, экономическом, в пространственном отношении, а кто оставался на месте; кто и когда имел электричество, а кто нет. Старый девиз газетчика - кто что делал, когда и где? обратился в бесчисленные графики и таблицы» [4, с.67].

«Новая историческая наука» в Англии также имеет свою предысторию. Кроме общих причин ее возникновения, существенной предпосылкой явилось выделение еще в межвоенный период новых исторических дисциплин - экономической и социальной истории, постепенная кристаллизация в числе предметов их исследования положения трудящихся, истории рабочего движения. Важную роль в ее формировании сыграло также широкое прогрессивное течение в историографии 1950-х годов, включавшее в себя, наряду с «неортодоксальным марксизмом», также леволиберальное и радикально-демократическое направления. Они сотрудничали в созданном в 1952 году совместном журнале «Прошлое и настоящее» («Past and Present»). Выступая против традиционной описательной историографии, они выражали убеждение в познавательных возможностях исторической науки, верили в общественный прогресс. В противоположность США, где в становлении «новой исторической науки» большую роль сыграло обращение к количественным методам, английская историография испытала

влияние методологии социологии, демографии и особенно социальной антропологии, что определило облик ведущего направления в междисциплинарной историографии - «новой социальной истории». Мировоззренческое размежевание в «новой исторической науке» рельефно отразилось в избирательности исследовательской тематики - либеральные историки сосредоточились на прослеживании эволюции различного рода социальных структур; радикально-демократические историки и исследователи марксистской ориентации изучали поведение и массовое сознание низших социальных групп английского общества. Получили всемирное признание работы Э. Хобсбоума, Э. Томпсона, Дж. Рюде, сочетавшие неортодоксальный марксизм и методы междисциплинарного подхода - антропологические, психологические, демографические.

В Германии сложились более трудные условия для формирования «новой исторической науки», чем в других ведущих «историографических державах». Еще в ходе методологической дискуссии конца XIX - начала XX века возникшей в связи с обсуждением трудов К. Лампрехта, потерпели поражение позитивистские принципы и восторжествовали идиографические методы исторического познания. Это означало и отказ от сближения истории с социологией. В межвоенный период доминирующая роль идиографической историографии возросла еще больше. Лишь немногие выступали за наведение мостов от истории к социологии. Особенно велико в этом плане значение трудов М. Вебера. В концепциях, которые он выдвинул, нашли выражение такие принципы, как взаимосвязь исторической и социологической постановок проблем, междисциплинарный подход, метод типологического построения и моделирования в общественных науках. Но идеи Вебера были восприняты лишь десятилетия спустя, да и то сначала за рубежом, а затем уже в самой Германии. Только в 1960-х годах, когда вслед за «экономическим чудом», началась форсированная научно-техническая революция, в общественно-политической и научной жизни ФРГ усилились позиции неолибералов. Сформировалось поколение историков, чуждых немецкому идеалистическому историзму. За изучение социальных процессов в рамках теории «индустриального общества» одним из первых выступил известный историк В. Конце. Постепенно предметом научного исследования становятся общество и происходящие в нем социальные процессы. Г. Ротфельс и Т. Шидер обратились к типологическим конструкциям тех или иных процессов исторического развития на основе применения «идеальных типов» М. Вебера. Тем не менее, исследовательская практика новой социальной истории в ФРГ значительно отставала от теоретических разработок. Своим подчеркнутым вниманием к «человеческим проблемам» социальная история ФРГ напоминала французскую «новую социальную историю», но в то же время немецкие историки испытывали к ней недоверие, поскольку были склонны преувеличивать влияние на школу «Анналов» марксистской методологии. С другой стороны, в немецкой «социальной истории» сохранились многие

элементы идеалистического историзма с его подчеркиванием политических факторов и значения деятельности выдающихся личностей. Применение количественных методов также не получило широкого распространения. Вместе с тем обращение к новой социальной истории в немалой степени повлияло на тематику немецкой историографии. Достаточно отметить гейдельбергскую школу В. Конце и марбургскую школу В. Абендрота. В последнее десятилетие под немалым влиянием англо-французской историографии сложилась школа «повседневной истории», отразившая стремление возвратиться к нарративному изложению и рассказать о жизни «маленького человека».

«Блестящий разброд» - так охарактеризовал американский историк Г. Нэш состояние «новой исторической науки» в США, экстраполируя его на всю западную «новую историю». «Новая историческая наука» во многом сумела преодолеть крайние проявления субъективизма и иррационализма, характерные для идиографической историографии конца 1940-х - начала 1950-х годов. Опираясь на количественные методы исследования, она смогла проанализировать массовые источники, статистические серии тысяч и тысяч однородных фактов, что было не под силу описательной историографии. Овладение методами смежных общественных наук помогло глубже, полнее постигать события прошлого в их взаимосвязи. Антропология вернула в поле зрения историков человека как целостного субъекта исторического действия. Расширились и обновились предмет и проблематика исторических исследований, что усилило дискуссионную тональность в науке. Все это подняло статус истории среди других общественных наук. Вместе с тем в «новой исторической науке» так и осталась неразрешенной проблема концептуального осмысления исторической действительности, по-прежнему отсутствует общая теория исторического процесса. Применяемый многими историками социологический структурно-функциональный анализ дает на том или ином срезе исторического времени картину функционирования общественных институтов, но при этом отсутствует динамика, а часто и ответ на вопрос о причинах происходивших событий. Более того, междисциплинарный подход, принесший в изучение истории множество методик гуманитарно-социальных наук, еще больше способствовал фрагментации истории, в рамках «новой исторической науки» возник ряд дисциплин, мало или вовсе между собой не связанных. Существенной слабостью «новой исторической науки» является форма и язык исследований. Работы изобилуют статистическими данными, особенно это относится к клиометрическим исследованиям, и неудобочитаемы даже для специалистов. Известный американский историк В. Ван Вудворд жаловался, что он не все понял в работе о рабстве, написанной клиометристами Р. Фогелом и С. Энгерманом. Все это привело с середины 1970-х годов к стремлению возвратиться к событийному историописанию - «повседневной истории», а также возрождению нарратива.

Литература

1. Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке // История СССР, 1976. № 5.
2. Levi-Strauss C. *Antropology Structurale*. Paris, 1958.
3. Robin R. *Semyr-en-Auxoie*. P., 1970.
4. Ратмэн Д. Б. Новая социальная история в США // Новая и новейшая история. 1990. № 2.

«БРАК БЕЗ ЛЮБВИ ХУЖЕ ПРОСТИТУЦИИ»: РУССКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ЖЕНЩИН О БРАКЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

Хорошилова Любовь Борисовна

*канд. ист. наук, ст. научн. сотрудник Исторического факультета
Московского университета имени М.В. Ломоносова,
Москва*

Женские журналы второй половины XIX в. — начала XX в. привлекают внимание исследователей, изучающих историю их появления [22, с. 32–39] и бытования [20], причем отмечается, что они «были нацелены на изменение менталитета читателя» [19, с. 83]. Возникновение массовой прессы для женщин было связано с изменением их роли в обществе, повышением уровня образования. По-прежнему выходили (их число увеличивалось) женские журналы мод и пр., но особую роль стали играть женские общественно-политические журналы. Формировался многочисленный адресат женской печати, «вполне интеллигентная женщина», которая искала в ней что-то свое, ответы на вопросы, которые не могли (или не хотели) давать «мужские» издания. (Справедливо замечание И.Л. Савкиной, что происходившее в те времена «противоборство мужского и женского», борьба женщин с предопределенностью женской судьбы, отстаивание ими права на творчество оставалось за рамками журнальной полемики, в которой женщина выступала как объект, а не субъект социальной жизни [См.: 19].) Одной из центральных тем женских общественно-политических журналов стало семейное положение женщины: вопрос о браке, правах и обязанностях женщин, различных формах сожителства и, наконец, о влиянии брачности на профессиональную деятельность. Подобные темы не могли не волновать женщин, оказавшихся в новой, не устоявшейся ситуации, ставшей результатом кризиса патриархального общества и традиционной семьи.

Эпоха Великих реформ и возникновение «женского вопроса»

С начинавшимся кризисом традиционной семьи все больше женщин были вынуждены зарабатывать себе на хлеб. Массовое разорение дворянства, приток населения в города, неустроенность, ломка привычных усло-

вий существования — таковы были реалии пореформенной России. Если в традиционном обществе кормильцем был муж, а женщина — хранительницей семейного очага, то в условиях модернизации женщинам приходилось думать о получении, помимо общего, еще и специального образования и искать себе работу не только в привычных для женщин областях (педагогика и медицина), но и в совсем новых — экономике, сельском хозяйстве, юриспруденции, сфере чиновничьей службы, науке. Перемены начинались в более культурной, образованной среде дворянства и «городских сословий»: купечества и интеллигенции. Многомиллионное крестьянство России по-прежнему жило в рамках патриархальной семьи. Такие семьи численно преобладали в высших сословиях, однако и здесь наметились важные перемены: постепенно разорение дворянства приводило к сокращению больших семей, дающих приют тем, кто не может себя прокормить.

Реформы 1860-х гг. ускорили кризис традиционной семьи, и социокультурные конфликты приобретали прежде всего вид конфликта «отцов и детей», мужей и жен. В воспоминаниях постоянно встречаются свидетельства подобного рода: «О какой дворянской семье не спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми... особенно девушками овладела в то время словно эпидемия какая-то — убежать из родительского дома» [8, с. 57]. Они стремились выстроить жизнь по-новому, не повторяя судеб своих предков. Привычные прежде отношения стали для женщин новой формации все более нетерпимыми. Начиналась борьба за перемены в юридическом статусе женщины, поиск новых форм организации семейной жизни.

Русская семья переживала драматический период своей истории. Хотя традиционная семья преобладала численно, появлялись новые ее типы, стал более доступным развод, увеличивалось число «разъездов», уменьшалось количество детей в семье, появилась фигура матери-одиночки, производшей на свет своего ребенка вне брака и не пытающейся скрыть свое материнство. Огромную роль в перемене положения женщины стало формирование системы женского образования, которое открывала возможности для женщин осуществлять профессиональную деятельность. Образованная женщина получала возможность самой зарабатывать себе на хлеб, а следовательно — прокладывать собственный путь в жизни. Число женщин, которых не устраивала старая форма семьи, в которой женщина занимала подчиненное положение, всецело зависела от воли мужа, была погружена в домашнее хозяйство, ее будущее было predetermined и очевидно, неуклонно возрастало. Немаловажной причиной кризиса семьи стало также уменьшение значения религии и церкви в жизни многих людей. Уже в конце XIX в., делая обзор всероссийской переписи, корреспондентка журнала констатирует, что «за 25 лет число замужних женщин убавилось на 4%, а число девиц медленно, но постоянно увеличивается с каждым десятилетием» и в 1890 г. почти сравнялось с числом замужних — и тех, и

других по 40%, отмечалось также большое число вдов и разведенных [21, с. 219].

Демократическая пресса как барометр общественных настроений

Немалую долю в разжигании страстей в ту пору вносила периодическая печать. Для демократической прессы 1860-х гг. семья являлась одной из мишеней. Семья патриархального типа подвергалась осуждению со стороны «новых людей» и критике людей старых. Публиковались материалы о жестокости нравов патриархальной семьи, ее тирании, уродовании жизни женщины. Сомнению подвергалось все, что прежде казалось общепринятым, вечным. Семья стала излюбленной мишенью демократической прессы, статьи популярных авторов (Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов, М.И. Михайлов, Н.В. Шелгунов, В.А. Слепцов) читались взахлеб. Огромный авторитет имели журналы «демократического» направления, писавшие о «женском вопросе»: «Русское слово» (1859–1866), «Современник» (1847–1866), «Женский вестник» (1866–1868). Для авторов, публиковавших свои материалы на их страницах, главной задачей стал поиск всего самого уродливого, того, что отторгало молодежь от опыта старших. «Новые люди» были убеждены, что достойным трудом для женщин является любой труд, — но только не домашний, тот, целью которого была семья. Общее настроение действовало на сознание многих женщин гипнотически: как часто повторяли в этой среде, позорно быть «законной содержанкой», «наседкой». Повторялось такое суждение: «законная жена, вышедшая за богатого без любви, хуже проститутки», а характеризуя семейные отношения «новых людей», говорили: «он и она полюбили друг друга и свободно и честно сошлись».

Таким образом, расхождение в оценках значимости семьи, основы общественных отношений, достигло в среде образованных людей России критического уровня. Борьба за эмансипацию порой заводила женщин слишком далеко, принимая подчас уродливые формы. Подобная ситуация требовала общественного осмысления и обсуждения. И действительно, начинают открываться женские журналы, в которых поднимаются острые социальные вопросы, волновавшие женщин, приводится актуальная информация, публикуются сообщения «из глубинки». Неудивительно, что в работе этих изданий важнейшую роль играют женщины: «Женский вестник» (1904–1917), «Женское дело» (1899–1900; 1910–1918), «Женщина» (1907–1917), «Журнал для хозяек» (1912–1918), «Журнал для женщин» (1914–1918), «Мир женщины» (1912–1917), «Новый журнал для хозяек» (1917), «Союз женщин» (1907–1909) и др. Из этих изданий самым информативным являлся журнал «Женское дело», редактором которого была врач М.И. Покровская, активная общественная деятельница.

Болевые точки «брачного вопроса»

В первом номере журнал «Женское дело» заявлял, что его главная задача — «вопрос о положении женщины в семье, обществе и государстве в его историческом развитии и выяснение его настоящих и дальнейших це-

лей» [2, с. 1]. Появился новый тип женщины — образованной, способной обеспечить себя и своего ребенка, предъявлявшей к браку повышенные требования. На страницах журналов обсуждались новые типы сожителства: гражданский и фиктивный браки, жизнь в коммуне, а также одиночество как сознательный выбор пути. Возможность получить образование и заниматься профессиональной деятельностью давала возможность выбора — создать семью, посвятить себя профессии или постараться совместить то и другое. Гражданский брак получил распространение с началом реформ 1860-х гг., когда девушка, стремившаяся освободиться от «родительского гнета» и получить высшее образование (в частности, за границей), выходила замуж по договоренности с молодым человеком, который, выступая в качестве ее мужа, позволял ей поступать по своей воле. Об этом, например, мы читаем в воспоминаниях С.В. Ковалевской [8, с. 69-70].

К концу XIX в. резкость оценок снижалась, но журналистами были наработаны стереотипные формулировки, часто сопровождавшие тексты о семейных отношениях. В пользу гражданского брака приводились разные аргументы, причем часто использовалось слово «свобода», «свободный». Так, корреспондент задавался вопросом: зачем «связывать себя посторонними цепями. Развод труден, а в некоторых условиях почти всегда невозможен, скандален. А вдруг ошибка: не любовь, а увлечение... Пройдет чувство, надо расставаться, а свободы уже нет!». И тогда «новые» люди «честно решают: будем любить свободно! Пока любиться. Чем такой брак “незаконен”?» [12, с. 2].

Номера «Женского вестника» за 1906 г. отводили свои страницы для публикации материалов Первого всероссийского женского съезда. Среди прочих на съезде обсуждался «брачный вопрос» [1, с. 72-73]. Выступающие сошлись во мнении, что этот вопрос «очень волнует общество». Была нарисована «ужасная картина унижения женщины в браке и главным образом в бракоразводном процессе», далее зашла речь о запрещении вступать в брак военным и студентам, что «содействует росту проституции». Впрочем, развить свою мысль докладчица Бландова не смогла: она «на этом была остановлена приставом и не могла продолжить своей речи». Один из докладов был посвящен «брачному вопросу в настоящем и будущем». Заглядывая вперед, докладчица прогнозировала, что «в будущем будет предоставлено людям на свое усмотрение, заключать ли брак в церкви», у мэра, «или просто своим любящим словом, то вопрос о внебрачных детях исчезнет сам собою, так как тогда все дети будут иметь одинаковые права, да и вопросы о разводе и даже о проституции должны будут отойти в область предания, так как им не будет места между свободно любящими людьми». Среди реплик «с места» корреспондент отметил суждение «молодой девушки Бакуниной», которая заявила, что она — «сторонница свободного брака и ничуть не беспокоится за себя, ее беспокоит только будущее своего ребенка». Это соображение высказывалось на журнальных страницах не раз. Так, рассуждая о гражданском браке, автор настаивает на

необходимости нотариального договора, который должен обусловить права договаривающихся и обеспечить материально женщину и ее потомство на случай смерти или развода: «долги, которые делаются на честное слово, редко уплачиваются; но долги, обеспеченные формально, уплачиваются всегда» [14, с. 2, 5]. Журналы публиковали разъяснения юристов по различным пунктам законов, консультации по частным вопросам [см.: 17, с. 8].

Таким образом, в женских журналах конца XIX — начала XX вв. чаще звучат по-житейски здравые соображения, отражающие интересы женщины-матери и ее ребенка, помещались статьи, анализировавшие ситуацию с разных сторон. Отмечалось, что и в законном, и в гражданском браке женщина крайне уязвима: она либо «закрепощена», либо никак не защищена. Так, в традиционном супружестве «закон подчиняет жену мужу, признает ее и ее детей его собственностью и обязывает угождать ему» [7, с. 151]. Указывалось на главное ограничение — женщина не может иметь паспорта без разрешения мужа, а это сразу накладывает на нее «крепостное ярмо», ставит заслон ее стремлению работать или учиться. В то же время для множества женщин получение образования приравнивалось к обретению внутренней свободы. Как прямо заявлялось на страницах журнала, «желание поступить на курсы в очень многих случаях является попросту освященной уже в России традиционной формой протеста против закрепощения женщины в рамках тесной семейной жизни» [13, с. 7].

Замужество vs служба

Другой аспект женской брачности, обсуждавшийся в журналах рубежа XIX–XX вв., связан с ее служебной занятостью. Отмечалось, что «экономический переворот, резко изменивший материальные основы семьи, способствовал быстро растущему падению числа браков» [9, с. 84]. В сообщениях с мест журналы собирали и публиковали данные об еще одном аспекте проблемы: для замужних женщин создавались всевозможные ограничения при поступлении на службу или ее сохранение. Так, первоначально женщинам, работавшим на Петербургском телеграфе, разрешалось выходить замуж «только за телеграфных чиновников» — «с целью сохранения телеграфной тайны» [3, с. 221], затем это ограничение было снято. Однако о подобных же случаях сообщалось неоднократно. В 1909 г. снова была принята инструкция по почтово-телеграфной службе о допущении замужества только с чиновниками того же ведомства [16, с. 185]. Понятно, что это распоряжение, то отменяемое, то принимаемое вновь, приводило к настоящим драмам. Так, в Киевскую духовную консисторию подала прошение «почтово-телеграфная чиновница» о разводе с мужем: тот ушел со службы ведомства и от нее потребовали отставки в соответствии с распоряжением начальства, «чтобы чиновницы ведомства не состояли в замужестве с посторонними лицами». В своем прошении женщина указала, что «если она лишится места, то ей нечем будет жить» [6, с. 168]. С подобными же ущемлениями своих прав, как информировали своих читателей

журналисты, сталкивались и учительницы. Увольнялись учительницы, имевшие более двух детей [5, с. 136], или даже просто в случае выхода их замуж [4, с. 29] (оправдывая свое решение, власть имущие говорили, что «беременные женщины раздражительны, злы», а это будет «портить нравственность девочек»). Таким образом, речь шла о том, что ограничения, накладываемые на право женщин на работу в зависимости от того, состоит она в браке или нет, оказывали негативное влияние на ее семейную жизнь. Констатировалось, что женщины оказывались в таком положении, что гражданский брак оказывался для них экономически более приемлемым. Впрочем, комментарии в таких сообщениях давались минимальные: по всей видимости, редакция считала, что приводимые ими факты красноречиво говорят за себя сами.

Сугубая нацеленность многих женских журналов на социальные темы вызывала сетования самих журналистов. В редакционной заметке «Журнала для хозяек» (1912 г.) отмечался «странный и досадный пробел — чрезвычайно малое количество изданий, посвященных женским нуждам и женскому делу. Из 1643 изданий, выходящих на русском языке, только восемь ставят себе целью разбор и освещение специальных женских запросов. Но и эти восемь женских журналов посвящены исключительно только женщинам, занимающимся самостоятельным трудом, они обращают внимание только на женщин-общественных деятельниц и совершенно игнорируют нужды женщины-хозяйки, женщины, посвятившей свою жизнь незаметному, но страшно важному делу охранения и воспитания семьи» [15, с. 1].

Однако этот призыв оставался гласом вопиющего в пустыне. Проблемы, стоявшие перед русской женщиной в начале XX в., были слишком насущны, слишком сложны и болезненны, и от них невозможно было уклониться: даже журнал «Модный свет» из номера в номер размещал материалы, в которых делались попытки проанализировать положение женщины в браке, ее гражданские права, разводы и разъезды [10, с. 11; 11, с. 12].

Список литературы

1. Брачный вопрос на Первом всероссийском женском съезде // Женский вестник. – 1906. № 3. – С. 72-74.
2. Женское дело. – 1899. № 1. - С. 1-12.
3. Женский вестник. – 1905. № 7. – С. 218-221.
4. Женский вестник. – 1911. № 4. - С. 24-32.
5. Женский вестник. – 1911. № 5. – С. 132-133.
6. Женский вестник. – 1912. № 7/8. – С. 168.
7. Закрепощение жен // Женский вестник. – 1909. № 7/8. – С. 151-152.
8. Ковалевская С.В. Воспоминания. Повести. М. : Наука, 1974. – 569 с.

9. Кускова Е.Д. Женский вопрос и женский съезд // Образование. – 1909. № 1. – С. 84-85.
10. Модный свет. – 1914. № 5. – С. 11.
11. Модный свет. – 1914. № 6. – С. 12-13.
12. Наболевшее // Новый журнал для хозяек. – 1917. № 3–4. – С. 2.
13. Ниминская Е. По поводу 10-летнего юбилея московских высших женских курсов // Женское дело. – 1911. № 2. – С. 7-8.
14. О гражданском браке // Женский вестник. 1906. № 1. – С. 1-2.
15. От редакции // Журнал для хозяек. – 1912. № 1. – С. 1.
16. Покровская М.И. Женщины на государственной службе // Женский вестник. – 1909. № 10. – С. 184-185.
17. Рогович М. Об обеспечении средств на содержание и воспитание новых поколений (закон 3 июня 1902 г.) // Женский вестник. – 1914. № 1. – С. 8-9.
18. Савкина И.Л. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половине XIX века. М. : НЛО, 2007. – 441 с.
19. Смеюха В.В. Отечественные женские журналы: классификационно-типологический аспект // Гуманитарные и социальные науки. – 2011. № 5. – С. 81-89.
20. Симонова О.А. Женские журналы в начале XX в.: критика, рецепция, полемика // Женщина в российском обществе. – 2015. № 1. – С. 24-32.
21. Щепкина Е. Женское население Петербурга. (Читано в Женском взаимном благотворительном Обществе 28 января 1896 г.) // Образование. – 1897. № 5/6. – С. 216-220.
22. Юкина И. Дискурс женской прессы XIX в. // Женские и гендерные исследования. – 2000. № 5. – С. 32–39.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ ВО ВЗГЛЯДАХ НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ И ЖАНА БОДЕНА

Яцук Станислав Константинович

Магистрант 1 года обучения Исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета, РФ, Томская область, г. Томск

THE GEOGRAPHICAL FACTOR IN HISTORIC VIEWS OF NICCOLO MACHIAVELLI AND JEAN BODIN

Yatsuk Stanislav Konstantinovic

Master student 1 year students of the Faculty of History of the National Research Tomsk State University, Russia, Tomsk region, Tomsk

Аннотация

В данной статье рассмотрены взгляды Н. Макиавелли и Ж. Бодена на проблему роли географического фактора в истории, как он влиял на происхождение и эволюцию народов. Были выделены, проанализированы и сравнены взгляды знаменитых флорентийского и французского мыслителей эпохи Позднего Возрождения Никколо Макиавелли и Жана Бодена в их трактатах «Метод лёгкого познания истории», и «История Флоренции», в которых они чётко выражены и аргументированы на предмет того, как и каким образом, природно-климатические, географические факторы влияли на происхождение и развитие народов мира.

Abstract

This article is considered the views of Machiavelli and Jean Bodin to the problem of the role of geography in the history of how he influenced the origin and evolution of peoples. They have been identified, analyzed and compared the views of the famous Florentine and French thinkers of the late Renaissance, Niccolo Machiavelli and Jean Bodin in their treatises "light of knowledge Method of History" and "History of Florence," in which they are clearly expressed and argued on the subject of how and however, the climatic, geographical factors influence the origin and development of the peoples of the world.

Ключевые слова: Никколо Макиавелли, Жан Боден, макрокосм и микрокосм.

Keywords: Niccolo Machiavelli, Jean Bodin, macrocosm and microcosm.

Как природно-географические факторы влияют на происхождение народов? Как они выживали и развивались в суровых климатических условиях? Какие особенности, критерии истоков их происхождения существовали? Этими вопросами задавались мыслители всего мира издревле и не перестают быть актуальными и в наши дни. Попытку ответить на эти вопросы предложили флорентийский политик и французский историк эпохи Позднего Возрождения Никколо Макиавелли и Жан Боден. Они внесли

огромный вклад в мировую политическую и историческую мысль, создали теорию о том, каким образом природно-климатические факторы влияют на происхождение, развитие и особенность народов мира.

Государства, по мнению Н. Макиавелли, возникают в местах, где удобнее жить или которые легче защищать. Если государство основано в бесплодной местности, в нём люди менее поддаются развлечениям и праздникам, теснее сближаются и меньше имеют поводов к раздорам. Также с природными условиями связаны переселения народов из одного региона в другой. В холодной стране население не может прокормиться из своих скудных ресурсов, и этот фактор толкает его на переселение в поисках лучших земель или оно будет «очищаться» через эпидемии и голод. В странах со здоровым климатом и плодородными почвами люди размножаются так быстро, что избыточному населению приходится покидать родные места и искать себе новые места и поселения. Влияние природных условий может до неузнаваемости корректировать законами государства. Если благоприятные климатические условия не побуждают граждан к труду, дело государства – заставить их трудиться. [3, С. 58 – 59].

Николло Макиавелли пишет, что народы, проживающие на севере рек Рейна и Дуная, в плодородных областях и со здоровым климатом, размножаются так быстро, что этой избыточной части населения приходится покидать их родные места и искать себе новые, менее заселенные места, для освоения [2, С. 12]. Мыслитель приводит в пример также жизнь венецианцев, утверждая, что их нужда заставляла жить среди вод, принуждала думать ещё о том, как, не имея хорошей плодородной земли, создать себе благосостояние на море. Их корабли в дальнейшем стали плавать по всему свету, а город пополнялся всякими разнообразными товарами, в которых нуждались жители других стран, которые впоследствии начали посещать и обогащать Венецию [2, С. 40].

Что касается взгляда Ж. Бодена на географический фактор, то французский мыслитель подчёркивал определяющее влияние природы на человека, его характер, темперамент, способности и на хозяйственную деятельность, экономические отношения, политическую сферу развития общества, традиции и нравы народов [4, С. 147]. Также он использовал в своей теории соподчинённую систему теологического монизма: «человек – природа – Бог» [1, С. 44], которую в дальнейшем раскритиковал французский мыслитель эпохи Просвещения Шарль Монтескьё.

Жан Боден выделяет три критерия, предложенные древними и современными ему историками, определяющие истоки происхождения народов: определение надёжности писателя, оценка отдельных сторон языка и оценка месторасположения и характера региона [1, С. 297]. По этим критериям, в настоящее время, можно определить истоки происхождения народов, но их недостаточно, чтобы можно было выстроить какие-то чёткие гипотезы. Поэтому современные учёные продолжают их изучение.

Различия, по мнению мыслителя, проистекают в различных местах обитания людей, вод, воздуха и разницы в пище [1, С. 79]. Ж. Боден утверждал, что древние авторы не могли много написать о природной стороне знаний, поскольку не знали областей и мест, которые были открыты недавно [1, С. 79]. Жан Боден выделял четыре региона Земли: южный (в области экватора), северный (в районе полюсов), восточный (ограничен Моллукскими островами), западный (ограничен островами Гестрия). Основным ориентиром на Западе для него являлась Америка. Каждый регион имеет свои особенности, подробно об этом описывает Ж. Боден в своём труде [1, С. 79 – 133]. Он выделил по широте северный, южный и средний районы, по долготе – восточный и западный, по влажности – болота и пустыни, по рельефу – горы и равнины, по интенсивности движения атмосферных масс – ветреные и безветренные районы. Северный, южный и средний районы философ считал самыми главными по отношению к остальным [4, С. 196].

Природные факторы Ж. Боден делит на две группы: 1) факторы, связанные с самим человеком как биологическим организмом (телесная организация, физическое строение, природные способности и силы); 2) условия среды обитания (климат, особенности рельефа, атмосферы, водная среда, направление ветров, качество почвы). Факторы второй группы оказывают непосредственное влияние на характер деятельности людей. Идея гармонии лежала в основе осознания единства двух полярных высокоорганизованных миров – микрокосма и макрокосма. Соответствие между микрокосмом и макрокосмом мыслитель устанавливал через мировое государство – *Respublica mundana*. Ученый даёт свою трактовку этих понятий, отличную от других: макрокосм – Вселенная и душа человека, микрокосм – человек как физическое существо и объединённые по регионам этнические общности с их природными склонностями к той или иной деятельности [4, С. 196 – 199].

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод об основных выводах мыслителей на проблему роли географического фактора в истории. У авторов были как общие идеи, так и различия. Они оба показывали, как природные факторы влияют на характер, темперамент, хозяйственный образ жизни, внешние особенности народов мира, чем вызвано переселение народов, какие факторы этому способствуют. Отличие в том, что Жан Боден даёт больше конкретики по отношению к этой проблеме – критерии истоков происхождения государства, выделяет четыре природно-климатических региона Земли, две группы природных факторов и т.д., а у Никколо Макиавелли рассуждения более поверхностные – он объяснял какие-то природные явления, факторы, влиявшие на происхождение народов, их особенности, но не анализировал подробно и не создавал критериев, теорий, что делал Боден, но они тоже заслуживают внимания для продолжения изучения современными учёными, поскольку эту проблему продолжают изучать и в наши дни, она не перестаёт быть актуальной.

Список использованной литературы и источников

Источники:

1. Боден Ж. Метод лёгкого познания истории. – М.: Наука, 2000. – 412 с.
2. Макиавелли Н. История Флоренции. – Л.: Наука, 1973. – 440 с.

Литература:

3. Барг М. А., Авдеева К. Д. От Макиавелли до Юма: становление историзма. – М., 1998. - 308 с.
4. Бобкова М. С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». Учебное пособие для исторических факультетов вузов. – М.: КДУ, 2008. – 259 с.

References and sources

Sources:

1. J. Bodin Easy method of knowledge of history. - M .: Nauka, 2000 - 412p.
2. N. Machiavelli History of Florence. - L .: Nauka, 1973. - 440 p.

Literature:

3. Barg MA, Avdeeva KD From Machiavelli to Yuma: formation of historicism. - M., 1998. - 308 p.
4. Bobkova MS Western European historiography "era of catastrophes". Textbook for historical faculties of universities. - M .: KDU, 2008 – 259 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

«ГОРОДСКИЕ НИЗЫ» В ЗЕРКАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ИРКУТСКА XIX ВЕКА)

Трипузов Михаил Геннадьевич

г. Иркутск, Российская федерация,

ГБПОУ Иркутский региональный колледж педагогического образования,

Музыкальный руководитель

По свидетельству современников, вследствие процессов поляризации, протекающих в обществе, Иркутск XIX века по своему социальному составу превратился в город контрастов [9, с. 98–99], где наблюдалось отчетливо выраженное расслоение общества на «верхи» и «низы», а это обстоятельство, в свою очередь, стало оказывать существенное влияние на формирование, накопление и реализацию эстетического потенциала. В силу этой причины и ряда многих других объективных причин условия действия эстетических факторов в общественной жизни серьезно осложнились.

Так, например, исследователи отмечают низкий уровень грамотности жителей Иркутской губернии: с 1884 по 1890 год средний уровень грамотности составлял всего лишь 17.42% от общего количества жителей [4]. В Иркутске уровень грамотности был несколько выше, но он тоже был невысок и колебался в среднем от 40% – до 60% [18, с. 22].

Писатель М.В. Загоскин, главный редактор газеты «Сибирь», приводит следующие факты, свидетельствующие о низком уровне жизни некоторых категорий горожан: «Годовой доход иркутских жителей различных заведений и занятий, конечно, невозможно определить даже приблизительно. Есть люди, получающие до 50 тысяч, и есть такие, которые не зарабатывают до 50 рублей. Годового дохода рабочего недостает на самое необходимое. Если взять во внимание невозможность отыскать работу иногда в течение нескольких дней, праздники, семейство, болезни, то окажется, что состояние рабочих сословий весьма незавидно. Недаром же они помещаются в самых грязных лачугах, в нижних этажах, сырых и холодных, недаром так много в Иркутске умирающих, больных нищих»... [9, с. 125]. Такое положение привело к возникновению острой социальной напряженности в определенных слоях городского общества, которая сказалась на идейно–нравственном состоянии этой части населения и его быте. Образно говоря, имело место сокращение «масштаба человеческого в человеке», обусловленное минимизацией возможности превращения внешнего социального достижения во внутреннее личностное. В результате произошло падение уровня духовной энергии и эстетических потребностей у этой части населения, хотя думается, что в иных условиях

возможности и личностные резервы многих представителей из «низов», обладающих некой совокупностью задатков развития, могли бы успешно реализоваться и принести свою лепту в повышение качества жизни и ее эстетической наполненности, в создание новых духовных и материальных ценностей.

Созданный в 1861 году Благотворительный комитет для вспомоществования нуждающимся жителям Иркутска в своей работе столкнулся с проблемой вопиющей бедности и нищеты в городе [7].

Особенно сложным было положение бездомной «ангарщины» – рабочих на рыбных промыслах, которые проводили рыбный сезон на Байкале, а зимой возвращались в город; деревенской бедноты, прибывшей на поиски заработка; а также приискателей, потерявших здоровье на золотых промыслах [9, с. 125].

Помимо этого, представителями «городских низов» становились люди самых различных социальных групп: от представителей обедневшего купечества до беглых ссыльных, находившихся в городе на нелегальном положении [2]. Не удивительно поэтому, что мещане, цеховые, крестьяне, ссыльные отставные военнослужащие, ясачные и дворовые [3], не имеющие регулярного заработка появлялись в списках вольнонаемной рабочей силы, и достаточно часто в сводках происшествий, посвященных городской преступности [16].

Представляет интерес свидетельство иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина, сообщающего о том, что купцы третьей гильдии и целые купеческие дома «ежегодно разоряются от праздности, распущенной жизни и особенно от пристрастия к пьянству» [13]. Иркутский врач В.А. Брянцев также обращает внимание на это широкомасштабное общественное зло. «Нигде кажется, так не развито злоупотребление спиртными напитками, как в Сибири. Хронический алкоголизм – эпидемическая болезнь в Сибири... Особенно поражает развитие пьянства в Иркутске среди женщин», – пишет он [8].

Укоренению и распространению пьянства и преступности способствовало и то, что в Иркутске работало множество питейных заведений. Из записки городского головы Н.П. Трапезникова для Статистического комитета «О состоянии Иркутска в 1836 году» [6] следует, что: «Трактиров и рестораций ныне в Иркутске не находится: харчевен существует 2, питейных домов 16, сверх того 1 разливная ведерная и 5 водочных..». Вообще говоря, в городе с численностью населения 16216 человек одновременно с официальными заведениями возникло большое количество нелегальных питейных заведений, где также была чрезвычайно распространена проституция [1].

Обращение к архивной статистике позволяет оценить масштаб проституции в Иркутске: официально по состоянию на 1889 год здесь находилось 8 домов терпимости, которые обслуживали 59 проституток, и еще 39 работали индивидуально [17].

Из выступления врача, публициста и общественного деятеля Сибири В.М. Крутовского на съезде сифилитологов в 1896 г. следует, что «в городах Сибири, очень легко и свободно процветает тайная проституция, явная же составляет только самую ничтожную часть тайной» [19]. Исследователь В.А. Зверев также отмечает, что: «Венерические болезни и сифилис более всего развиты в городе Иркутске и в больших селах, прилегающих к линии железной дороги...» [5]. Фактически в каждом легальном и нелегальном питейном заведении предлагались женщины «легкого поведения», что в конце XIX века среди обывателей уже считалось нормой [10]. Тайная проституция в Иркутске этого периода также была весьма востребованной.

Таким образом, следует признать, что к началу XIX века в Иркутске по ряду объективных причин сложились достаточно благоприятные условия для укоренения и «процветания» всех видов преступности. Этими причинами являются:

- наличие обширного контингента уголовных ссыльных;
- разбавление городского контингента заключенными, сбежавшими от наказания, и лицами, прибывшими в Иркутск после отбытия наказания;
- экономическая развитость города;
- наличие состоятельных горожан и богатых коммерческих организаций;
- наличие развитых торговых путей с относительно неразвитой инфраструктурой;
- отдаленность населенных пунктов друг от друга, иногда полное отсутствие связи между ними;
- наличие относительно близко расположенных золотых приисков;
- отсутствие должного финансирования городской полиции;
- наличие большого количества притонов и питейных заведений;
- относительно большая социальная неоднородность городского населения [15, с. 107].

Приведем некоторые цифры и факты, красноречиво свидетельствующие о разгуле преступности в исследуемый нами период.

Так, в 1898 году количество ссыльных, отбывающих наказание на территории Иркутской губернии, достигло количества 71800 человек, что на 20327 человек превысило численность городского населения самого Иркутска [16].

Разгул преступности доходил до того, что иногда грабежами на торговых трактовых дорогах занимались и представители иркутской интеллигенции, «имеющие свои дома и магазины или находившиеся на видных должностях, по довериям обществ... пока, конечно, не обнаружилось, каким путем было нажито богатство...» [12, с. 264].

Как видно, разбой и грабеж стали рядовыми явлениями, превратившимися в привычное средство незаконного обогащения. Выдающийся историк освоения Сибири, публицист и писатель А.П. Щапов отмечает, что:

«Сибиряки рассказывают как факт самый обыкновенный, что тот или другой нажился не добром, а кражей или убийством, что вот такой-то в прошлом году ходил бедняком, в лохмотьях, а ныне купил дом в 300 рублей, завел лошадей и т.п....» [11, с. 63,70]. А по свидетельству бытописателя Иркутска Н.С. Романова размах воровства был таков, что «В течение января (1886 г.) в городе масса краж. Дошло до того, что в одну ночь были обкрадены Губернатор, исполняющий должность губернатора и и.д. полицмейстера...» [14, с. 132].

Анализ статистических данных показывает, что расцвет преступности в Иркутске пришелся на конец XIX века. В те годы в темное время суток горожане на улицах нередко сталкивались с грабителями. Зимой грабежами на улицах промышляли преступники, разъезжавшие в кошевках. «Девушки, выходявшие вечером без сопровождающих, схватывались этими же кошевниками, увозились за город, и над ними совершались гнусные насилия» [12, с. 265–266, 267–268]. Проза жизни была такова, что зачастую извозчики грабили своих ездоков. В городе было два–три домовладельца, про которых все знали, что они, являясь руководителями воровских шаек, занимаются и скупкой краденого. «Многочисленные в городе харчевки представляли из себя притоны жиганов и пропойц, где всегда происходили совещания относительно новых экскурсий на чужое добро, а при дележе приобретенного происходили скандалы, драки и нередко по утрам по близости харчевок подымали трупы убитых» [12, с. 267].

Сложившаяся ситуация усугублялась тем, что полиция в условиях недофинансирования и крайне низкого профессионального уровня служащих или ввиду отсутствия у нижних чинов элементарной грамотности, практически сводила свою оперативно–розыскную работу только лишь к наблюдению за подозреваемыми. Кроме того, «городовые, более ретиво исполнявшие свои обязанности, были на виду у «бывших людей», и их, случалось, убивали» [12, с. 267].

Учитывая все сказанное выше, мы полагаем, что, так называемые «городские низы», являясь неотъемлемой частью культурного пространства Иркутска, безусловно, принимали деятельное участие в его формировании. Другое дело, стоит ли рассматривать это участие как позитивную созидательную работу по формированию эстетического потенциала, реализация которого, в соответствии с эстетическими нормами, упорядочивает направленность, содержание и формы человеческой деятельности в рамках этого культурного пространства и обеспечивает прогресс личности и общества?

Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду, что в реальной действительности изменение эстетического потенциала на данном историческом отрезке времени подвержено влиянию как положительных факторов, способствующих его росту, так и отрицательных, приводящих к снижению эстетического потенциала. К положительным факторам мы относим высокий уровень развития образования, воспитания, достижения науки, искус-

ства, литературы и проч., а к отрицательным факторам – суровые климатические условия (долгая и морозная зима); географическую удаленность от центра России; физиологическое здоровье общества (болезни); гражданские конфликты, межнациональную и межклассовую рознь; различные катастрофы (пожары, наводнения, землетрясения, ураганы и т.д.); наличие большого количества криминального элемента (преступность, аморальное поведение жителей данной территории); суеверия; низкую продолжительность жизни и высокую смертность.

Как известно, сам потенциал представляет собой только возможность, реализация которой может и не состояться (упущенная возможность) или осуществиться не в полном объеме. В природе и обществе редко достигается 100% реализация потенциала, и чаще всего мы имеем дело с его неполной реализацией. Получается, что важно не только само наличие эстетического потенциала, гарантирующего формирование и развитие культурного пространства, но и процесс его реализации.

По нашему мнению, процессом накопления, роста и реализации эстетического потенциала можно управлять. Однако, при этом следует учитывать, что эстетический потенциал обусловлен двумя факторами: субъективно–опосредованным (управляемым) и объективно–опосредованным (неуправляемым).

Субъективно–опосредованный или управляемый фактор формируется за счет внедрения специальных образовательных программ, нормативных документов, мероприятий и т.п.

Объективно–опосредованный (неуправляемый) фактор формируется средой, традициями, укладом жизни и быта людей.

Яркими примерами воздействия объективно–опосредованного фактора на процесс реализации эстетического потенциала служит употребление людьми сленга, злоупотребление алкоголем (пьянство), курение, наркомания. Многочисленные попытки справиться с этими негативными явлениями законодательными и административными методами, к сожалению, как правило, не приносят существенных результатов.

Подытоживая сказанное, можно заключить следующее. «Городские низы» – это реальные люди, включенные в культурное пространство Иркутска XIX века и оказывающие на него постоянное воздействие. Диапазон этого воздействия простирался от простого присутствия в нем до фактора, выступающего причиной позитивного или негативного изменения самого культурного пространства. Тем не менее, мы не можем говорить о том, что жизнедеятельность представителей городских «низов», противоречащая морально–этическим нормам общества, способствовала успешной эволюции культурного пространства, поскольку она обуславливала снижение совокупной величины эстетического потенциала, гарантирующего прогресс общества и личности.

Антиобщественная деятельность преступников и людей аморального поведения, попирающих правовые нормы, во все времена оценивалась об-

ществом негативно. Эти люди, входящие в состав определенного культурного сообщества, по существу «выпадают» из целенаправленной общественно-полезной деятельности по созданию и сохранению мира человеческих ценностей, как материальных, так и духовных.

Список литературы

1. Богашев В. Иркутск в статистическом отношении // Сын отечества. 1833. Т. 35 С. 316
2. Гагемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири. — М., 1854. — Т.2. Приложение 8. — 24 РГИА, ф.1409, оп.2, д.5035, л.4 об.
3. ГАИО, ф. 308, оп. 1, д. 167.
4. Григорьев В. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской губ. т. II, вып. 2, М.:1890.
5. Зверев В.А. Признаки дезорганизации общинной и семейной жизни в сибирской деревне конца XIX – начала XX века / В.А. Зверев. // Община и семья в сибирской деревне ХУІІІ – начала XX вв.: Межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1989. – С. 73.
6. Иркутские губернские ведомости. – Иркутск: Иркутское губернское правление, 1857–1858, № 18. – 12 с. О состоянии города Иркутска в 1836 году / Н. Трапезников.
7. Иркутские губернские ведомости. 1864. № 9. 29 февраля. С. 3.
8. Иркутские губернские ведомости. 1890. № 16. 18 апреля. С.6.
9. Кдрявцев, Ф.А., Силин, Е.П. Иркутск. Очерки по истории города Текст. / Ф.А. Кдрявцев, Е.П. Силин. Иркутск: ОГИЗ Иркутское обл. изд-во, 1947. – 276 с.
10. Левин И. К вопросу о мерах борьбы с сифилисом в Иркутске. // Русский журнал кожных и венерических болезней. 1902; Заблоцкий А.И. Проституция в Сибири в прошлом. // Сибирский медицинский журнал. – 1930. – №1. – С.42
11. Миллер Г.Ф. История Сибири.– Л., 1968. – Т. 3. – С. 63, 70.
12. Разбойник Алифанов // Сибирский архив. – 1912. – №4.
13. РГИА, ф.1281, оп.11, д.45, л.35
14. Романов, Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Текст. / Н.С.Романов // под ред. С.Ф. Коваля. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. – 544 с.
15. Рубцов, С., Сысоев, А. Из истории уголовного сыска Иркутска Текст. / С. Рубцов, А. Сысоев // Сб. статей по материалам журнала «Земля Иркутская». Иркутск: события, люди, памятники / сост. А.Н. Гаращенко. Иркутск: Оттиск, 2006. – С. 107 – 113
16. Ссылка и каторга в Сибири. – Новосибирск, 1975. – С. 231.
17. Статистика Российской империи – Т.ХІІІ. Проституция Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб., С.ХХХ.

18. Терновая И.И., Терновой И.В, Образовательные заведения города Иркутска во второй половине XIX – начале XX веков. – Иркутск: Оттиск, 2009. – 174с.

19. Труды съезда по обсуждению мер против сифилиса в России. – СПб.,1897. – С.54.

ФИЛОЛОГИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК И РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК LITERARY LANGUAGE AND SPOKEN LANGUAGE

Алиева Нурай Ядигаровна

кандидат филологических наук, доцент

Нахчыванское Отделение Национальной Академии

Наук Азербайджана,

большой научный сотрудник

город Нахчыван

Comprehensive study of the independent Republic of Azerbaijan, approach to it on the level of modern requirements is one of the most important issues facing the Azerbaijan linguistics as well as all other fields of science. The history of the language is closely connected with the history of the people and nation. The language is the most powerful tool in human life for expression of thoughts. Every nation has only one language and it is called the national language. Initially Azerbaijan language existed in the form of dialects and patois as well as the other languages. Later, however, as a result of development of society and at the same time of the language formed the national language.

It is known that all members of every people or nation can not use the national language the same way and according to the same rules. For example, intellectuals, especially scientists and writers, tend to use language more skillfully. They polish words, expressions and rules of the national language and put them into more perfect shape. Another class of the society however, uses the language in the form of raw materials [5, p. 17].

With increase of the level of people's literacy because of the fact that not all members of this society use the language to the same extent the national language divided gradually into different brunches and in that way appeared and the spoken one. Unlike the literary language the spoken language exists in oral form and aren't based on certain norms as the literary language. Literary norms help to express the thought clearly and precisely, to understand it in the same manner by all, to create correct and single speech. The spoken language can be theoretically divided into 1) common speech; 2) dialects and patois. Common speech is used and understood by all members of society. Dialects and patois aren't understood in the same way by all people. They are used only in separate regions and understood only by the local people. However, it is necessary to accept this division only in absolutely conventional sense. In general, the Azerbaijan literary language has been created and developed on the basis of dialects of the national language.

The national language exceeds at various periods the limits of the dialect which makes its basis and uses the other means of the national language. Therefore, our literary language aren't now identical to any dialect. Our modern liter-

ary language reflecting all good aspects of dialects differs from all of them [5, p. 19].

Language is a tool to keep the nation alive; it is the system of national wealth. The same words can be said about the modern dialects and patois of the Azerbaijan language. Thus, the dialectological units are rich material living and strengthening among the people for a long time, combining in it the national features of the people. This material reflects population occupations, mode of living and also geographical conditions of the related region. And that can create certain conception about the region and the peoples living here. At the vocabulary of our dialects and patois are lexical units with very ancient history; they express exactly the national mentality of the people. The vocabulary of patois contains words related to customs and traditions, nomadic or sedentary lifestyle and occupation of people in the past, that is agriculture, livestock-breeding, gardening, beekeeping, horse breeding, textiles etc., countless names of medicinal plant species given by the people, names of the national dishes, names of things used in everyday live, names of the ancient games and costumes - all these reflect national features of our people. In general, ancient words and ancient meanings of words are better preserved in dialects and patois, in folk-lore samples than at the literary language. These examples fully reflect the changes in the people's life. At the vocabulary of our dialect and patois we meet such words that once were used in the ancient written monuments of Azerbaijan, and then these words became archaic for the literary language, but remained in the dialect vocabulary. And it shows both antiquity of this lexical unit and its historically belonging to the Azerbaijani language.

Dialectological units which differ to a certain extent from the literary language and are used in dialects and patois, have an important role from the point of view of reflection of national features of the related region. These units are very important in the issues of the language history and enrichment of the language vocabulary.

Very complex process of mutual reconciliation is now taking place between the literary language and local patois. On the one hand, the literary language selects necessary words used in the patois and includes them to his vocabulary, on the other hand, the literary language norms come into patois, oppressing them [5, p. 71].

So, the words of the national language are selected, filtered and sorted, then adapted to the appointed and included in the structure of the literary language. If there are certain differences between the national language and literary language, the people's language throughout history but stood in the service of the literary language. In its turn, the literary language gives new words, terms, phrases to dialects and patois. If dialects and patois influence the literary language only from the direction of lexicon, the literary language is influencing them in phonetic, lexical and grammatical aspects and polishes them. It is not surprisingly, that our writers and poets applied to the dialect and patois for the purpose to make more convincing images of "persons of peasant origin".

Local patois had more independence formerly. However, due to the advent of compulsory education mass literacy and the general cultural level among the population began to increase rapidly, as a result of all that local accents began to lose their properties. In spite of that patois play an important role in enriching of the literary language also today. Certain part of the literary language vocabulary is constantly growing due to local patois. It is necessary to take from local dialects words which enrich the literary language and increase its beauty further [2, p. 71].

Dialect and patois are now gradually losing their features and this fact makes actual serious study of them just today. In this regard, the study of our dialectology is relevant now as well as at all other periods. Let us to note that the vocabulary composition of dialects and patois are the product of many centuries; and we observe here ancient words and phrases related to the development way passed by our people's language, conditions and everyday life, these ancient words reflect the history of our language.

Initial data about dialects and patois of the Azerbaijan language we met in the work [”Грамматика турецко-татарского языка” of Mirza Kazim Bay, which was published in 1839 in the city of Kazan [4, s. 15]. “On the whole, distinct and clear evidences and traces of the existence of the Turkic dialects are known from very ancient times, we have on hand a lot of literature about essence, coverage of these patois and about their relations to the other Turkic dialects. But this the most alive and strong evidence of all aforesaid by us is the work of “Divan-lugat-it-Turk” [3, p. 165]. Mahmud Kashgari in his fundamental work very successfully has shown in the real and detailed manner the position of Turkic-Tatar dialects in the XIth century. At the same time interacting of these patois with each other was described here thoroughly. Later, in XV-XIX centuries appeared a number of research works describing the dialects of Chaghatay and Ottoman Turks.

The foundation for the study of regional dialects and patois of the Azerbaijan language was laid in 1926 by the work of N.I.Asmarin “Общий обзор народных тюркских говоров гор. Нухи”; then patois of all Azerbaijan regions began gradually to be studied. Nowadays, the study of regional history, language, ethnography is of great importance from the point of view of regional development and integration. Therefore, this work is of great importance today. Our dialects and patois are involved in a serious study in accordance with the modern trends and requirements. It should also be noted that our dialects and patois are our national cultural wealth and their investigation is keeping its relevance today.

The concept of the literary has different meanings in the society in dependence on the world outlook of each class. The literary language is the highest form of the national language. In other words, the modern literary language consists of the common, single, national language [5, p. 7]. It is impossible to draw a border-line between the literary language and dialects and patois. So, they are closely connected and certain amount of new words is included into the literary

language at the expense of dialects and patois. However, in spite of the fact that the literary language is mainly formed at the expense of local patois, in modern period patois can not very much impact the literary language. At the same time, the patois play an important role in enriching of the literary language, especially of its vocabulary. The literary language feeds on the national language, reflects its intricacies, beauty, shades of meaning. Thus, it is impossible to imagine the literary language without the national language, as well as without its dialects and patois. All three are connected to each other, the root of all are the same, it is mutually related.

Literature

1. Nakhchivan dialect group of the Azerbaijan language. Baku, Azerbaijan SSR Academy of Sciences Publishing House, 1962, 325 p.
2. Mirzazadeh H. Historical Grammar of Azerbaijan language. Baku, Azerbaijan University Press, 1990, 376 p.
3. Jafarov S. Modern Azerbaijan language. Part II. Lexicon. Baku, East-West, 2007, 192 p.
4. Shiraliyev M. Principles of Azerbaijan dialectology. Baku, East-West, 2008, 415 p.
5. Gurbanov A. Modern Azerbaijan literary language. Baku, Science and Education, 2010, 452 p.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ «КОНЬ» В ТАТАРСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Габбазова Резеда Фаиловна

аспирант отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, г. Казань,

В языках народов мира можно увидеть большое количество фразеологических оборотов, поговорок и пословиц рассказывающих о представителях животного мира, самых древних спутниках человеческого сообщества. По мнению исследователей, анималистическая фразеология является своего рода зеркальной моделью отражающей внутренний мир и внешние характеристики человеческого сообщества.

В нашем исследовании мы предлагаем рассмотреть общие и отличительные черты в семантике ФЕ с компонентом «конь»/ «лошадь» на примере языковой картины мира французского и татарского народа. ФЕ с компонентом-зоонимом «конь»/ «лошадь» представляют своего рода историю развития взаимоотношений человека с одним из уникальных животных, которого он приучил еще в глубокой древности. Испокон веков человек общался, «сотрудничал» с этими представителем животного мира, уделял ему пристальное внимание, «архивировал» свой опыт, аккумулировал свои наблюдения. Данный вековой опыт «совместной работы и жиз-

ненного пути» нашел свое яркое, многоаспектное воплощение во фразеологическом фонде.

Конь – одно из самых почитаемых животных в культуре и татарского, и французского народа. В татарском языке образ коня представлен номинантами: «*ат*», «*елкы*», «*алаша*», «*айгыр*», «*бия*». Во французском языке активно употребляется в основном одна номинанта: «*cheval (конь)*». Данный фразеологический образ, настолько глубоко укоренился в системе исследуемых языков, что породил целый ряд образов-синонимов с переносным образно мотивированным значением. Для обоих народов конь, прежде всего, является символом трудолюбия, это «тудяга, человек, который без усталости работает». Обратимся к примерам из татарского языка: *Ат кебек эшләү* (досл. Работать как лошадь) - Много работать; *Ат кебек ашый ат кебек эшли* (досл. Ест как лошадь, работает как лошадь) - Много кушает, соответственно много работает; *Ат урынына эшләү* (досл. Работать подобно лошади) - Работать много и упорно. Подобные фразеологизмы можно увидеть и во французском языке: *Cheval à la besogne* (досл. Лошадь для тяжелой работы) - Работяга, неутомимый труженик; *Travailler comme un cheval* (досл. Работать как лошадь) - Много работать; *C'est un vrai cheval de labour* (досл. Это настоящая трудовая лошадь) - Это неутомимый работник.

Посредством ФЕ с компонентом зоонимом «лошадь», в определенной степени, прослеживается и исторический путь развития обоих народов. Так, у галло-романского этноса (французы), как, и у тюркского этноса (татары) лексема «конь» выступает показателем социального статуса. Например, у французов: *Monter sur ses grands chevaux* (досл. Сесть верхом на больших коней) - важничать, строить из себя важную персону. С данной позиции будет уместно упомянуть устойчивое словосочетание из языка еще одного представителя романской группы. Например, англичане говорят: *To be on high horse* (досл. Быть верхом на высокой лошади) - высокомерно держаться. Данный фразеологизм отражает национальную особенность, и скорее ассоциируется с аристократизмом. Таким образом, в свое время, обладание животным для верховой езды очень четко показывало расположение человека на социальной лестнице. У французов: *N'avoir ni cheval ni mule* (досл. Не иметь ни лошади ни осла) - означает быть совершенно нищим, не иметь ни кола ни двора. Тогда как у татарского народа уделяется особое внимание самому роду животного для верховой езды, т.е. именно род животного, его порода является показателем социального статуса. Например: *Аттан төшеп ишәккә менгән* (досл. Слез с коня, пересел на осла); *Аттан кәжәгә калган* (досл. С коня на козла) ; *Аттан төшеп тайга, тайдан ишәккә атлану* (досл. Слезть с коня на жеребенка, с жеребенка на осла); *Аттан төшереп тайга, тайдан таякка атландыру* (досл. Спустили с коня и пересадили на жеребенка, с жеребенка на палку). Все эти выражения обозначают, что человек обеднел, потерял свой высокий социальный статус.

Отдельные ФЕ с зоонимом «конь», «лошадь» в татарском и французском языке имеют поучительный характер, на первый план в их смысловой интерпретации выступают житейские мудрости. Во французском языке: *On ne change pas de chevaux aux milieux du gué* (досл.Посреди брода лошадей не меняют); *Il n'y a si bon cheval qui ne bronche* (досл.Нет коня который не спотыкается); *A cheval donné on ne regarde pas la bride/la dent* (досл.Не смотрят на узду/в зубы дареного коня). Идентичные фразеологизмы присутствуют и в татарском языке: *Кичү чыкканда атларны алмаштырмыйлар* (досл.На переправе коней не меняют); *Дүрт аяклы ат та абына* (досл. Конь о четырех ногах, да спотыкается); *Буләк атның тешенә карамыйлар* (досл. Дареному коню в зубы не смотрят). Как пишет Буслаев, «Фразеологизмы – своеобразные микромиры, они содержат в себе и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [1, с. 37.]. Нижеприведенные фразеологизмы из татарского и французского языка доказательство данному положению: *Аты булса, йөгәнә табылып* (досл.Если будет лошадь, то узда найдется) - Достижение желаемого; *Аты булса чанасы булмый* (досл. Лошадь есть, саней нет) - Всегда чего-то не хватает; *Ат эзе белән эт эзе буталды* (досл.Конский след смешался с собачьим следом) - Не осталось уважения по отношению к старшим. Обратимся к французскому языку: *Quand le foin manque les chevaux se battent* (досл.Когда не достает сена лошади дерутся); *Mieux vaut être cheval que charette* (досл.Лучше быть лошастью, чем телегой); *Changer son cheval borgne contre un aveugle* (досл.Поменять горбатую лошадь на слепую) - Менять шило на мыло; *A un cheval hargneux il faut une étable à part* (досл.Злобной лошади нужна отдельная конюшня) - Норовистому коню нужно отдельное стойло; *A grand cheval grand gué* (досл.Большой лошади большой брод) - Большому кораблю большое плавание. В ряду вышеуказанных устойчивых словосочетаний с образом «коня» у французов открываются свойственные, понятные только им языковые нюансы: *jamais trente-six lapins ne feront un cheval blanc* (досл.никогда 36 кроликов не сделают белой лошади) - то есть количество не может перейти в качество; *Après bon vin, bon cheval* (досл.После хорошего вина, хорошая лошадь) - Вино придает храбрости. В татарском языке одним из фразеологических оборотов представляющих национальную специфику можно назвать ФЕ: *Ат бәясе* (досл. Цена лошади) – т.е. стоит очень дорого лошадь, представляет что-то большое, ценное. В ранние времена для татарского народа обладание лошастью являлось показателем достатка, богатства.

Опыт векового общения с лошастью, отразился на том, что образ “лошади”, “коня” в обоих языках выступает в качестве мерила каких-либо специфических черт человеческого характера, его эмоциональной, чувственной сферы, физических данных, или же оценкой явлений окружающей природы. Например, в татарском языке: *Ат тезенән* (досл.По колено лошади) – не очень глубоко; *Ат күз* (досл.Лошадиный

глаз) – о большеглазом человеке (прозвище); *Ат күк* (досл.Словно лошадь) – о крупнотелом человеке; *Аты аргач тартасен кыйный* (досл.Бьет оглоблю когда устает лошадь) - о недалеком, не умном человеке; *Үлгән атның дагасын алу* (досл.снимать подкову с умершей лошади) – о жадности; *Атым юк урамда, кайгым юк буранда* (досл. Нет моей лошади на улице, нет печали во время бури) - о беспечном человеке; *Карт алаша* (досл.Старая кляча) - о старом отце, которого не ценят. Точно также во французском языке в центре внимания зооморфных фразеологизмов находится сам человек. *Cheval échappé*(досл.Сбежавшая лошадь) - сорванец, повеса; *C'est son cheval de bataille*(досл.Это его боевая лошадь) - Это его конек; *Il a mangé du cheval* (досл.Он съел коня) - он исключительно энергичен; *Cheval de trompette* (досл.Лошадь трубача) - Стреляный воробей; *Ce n'est pas un mauvais cheval*(досл.Это неплохая лошадь) - Он неплохой парень. Как видим, «для фразеологических единиц с компонентом-зоонимом особенно важно свойство антропоцентричности. Оно проявляется, прежде всего, в лингвистических (грамматико-семантических) свойствах самих слов-зоонимов, служащих строительным материалом для интересующих нас единиц» [8, с.8.].

ФЕ с лексемой «конь»/ «лошадь» свойственен ирония и юмор. Например, ироничный оттенок характерен для французского фразеологизма: *Parler cheval* (досл.Говорить по-лошадиному)- коверкать язык, неправильно говорить. Как подмечает В. Маслова, «фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [5, с. 84]. В комическом ракурсе открывается оценка ситуации в нижеследующих татарских фразеологизмах: *Атым ач торырга өйрәнгәч кенә үлеп китте*(досл.Только моя лошадь научилась голодать, так и померла); *Аты артта, тартәсе алда* (досл.Конь сзади, повозка спереди) - преувеличивать в рассказе; *Карт алаша тай булганда* (досл. Когда старая кляча жеребцом станет) - о том что никогда не случится.

Интересен тот факт, что в татарской языковой картине мира активно используются не только ФЕ с самой лексемой «конь/лошадь», но и отдельные атрибуты характеризующие «портретное описание» этого образа. *Сьерга ияр кую* (досл.Оседлать корову) - неуместное дело (ияр-седло); *Сьерга камыт кигерү* (досл.Одеть хомут на корову) – заниматься бестолковой работой (камыт-хомут).

Важно обратить внимание и на то, что во французском и татарском языке с компонентом-зоонимом«конь»/ «лошадь» есть такие ФЕ, которые внешне по своему лексическому составу, синтаксической модели очень схожи, однако по своей интерпретации весьма различаются. Например у французов: *Chevaux de bois* (досл.Деревянные лошади) означает карусель, в то время как в татарском языке выражение *Агач ат* (досл.Деревянный конь) – это, что-то не настоящее, сделанное для обмана; а фразеологизм: *Агач*

атка атландыру (досл. Посадить на деревянного коня) означает обмануть. Возможно, в данном случае будет уместно высказать предположение об отдаленной связи с античной историей, с известным сюжетом о «троянском коне».

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, ФЕ с компонентом-зоонимом «конь»/«лошадь», показывают что масштабный пласт фразеологических оборотов с общим компонентом-зоонимом, несмотря на общую сему обозначающую наименования животных внутренне весьма разнообразен. Подобного рода многогранность, что нашла отражение во внутренней форме большинства зооморфных фразеологизмов, в первую очередь, объясняется полифонией этнического колорита, особенностями национальной истории, своеобразием языковых нюансов каждого отдельно взятого народа. «У каждого народа, каждой нации есть свои собственные представления об окружающем мире» [3, с.3.] .

Список литературы:

- 1.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И.Буслаев. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
- 2.Гимадеева А.А. Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом в татарском и английском языках и их лексикографирование: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2011. – 26 с.
- 3.Горбенко М.В. Стереотипы восприятия зоонимов в межкультурных коммуникациях: на примере диаспор г. Костаная: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. – 26 с.
4. Исанбет Н.С. Фразеологический словарь татарского языка (на татар. яз.). В двух томах / Н.С. Исанбет. – Казань: ТКН, 1989. – I том. – 495 с.
- 5.Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов / В. А. Маслова. – 3-е изд., испр. - М. : Академия, 2007. - 208 с.
- 6.Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В.Г. Гак, Л.А. Мурадова и др.; под ред. В.Г. Гака.– Москва: Рус. яз.–Медиа, 2005. –1625 с.
- 8.Шепилова Т. А. Французские фразеологические единицы с компонентом-зоонимом: Семантический, функционально-стилистический и когнитивный аспекты: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. – 16 с.

ГИБРИДНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНТЕГРАЦИИ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Коробкина Наталья Игоревна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры языкознания Волгоградского государственного

социально-педагогического университета

(г. Волгоград)

Не вызывает сомнения тот факт, что современное общество представляет собой полилингвальное пространство, в котором языки тесно взаимодействуют друг с другом. Результатом этих тесных языковых контактов, как известно, могут быть противоположные процессы дифференциации и интеграции. Напомним, что первое представляет собой так называемый процесс расхождения языков, возникающий в следствие изменения социально-исторических условий, миграций, географического и политического обособления и пр.

Посмотрим на эти два процесса с точки зрения истории. В эпоху существования первых человеческих цивилизаций складывалось так, что племена, говорившие на разных диалектах одного, ранее общего языка, расселялись на новые, удаленные друг от друга территории. Как следствие, племена не могли общаться по-прежнему: контакты ослабевали, а языковые различия нарастали. В результате с течением времени образовывались новые языки, хотя и генетически родственные. Таким образом, с позиций общего языкознания в целом и генеалогической классификации языков в частности процесс дифференциации нередко считается основным путем образования языковой семьи после распада для исходных языков общего праязыка (например, оформление семьи славянских языков произошло после расщепления индоевропейского праязыка).

Что касается интеграции, то этот процесс, в отличие от дифференциации, ведет к становлению тесного контакта между языками, приводит к их смешению или слиянию. Это процесс, в результате которого во взаимодействующих языках появляются общие структурные элементы или свойства, что объясняет многочисленные заимствования, а также сходства на разных уровнях языковой системы. Именно поэтому процесс интеграции зачастую считается одним из путей возникновения языковых союзов.

Известно, что исторически соотношение процессов дифференциации и интеграции было разным: в доклассовом обществе преобладал процесс дифференциации, в средневековье при отсутствии развитого экономического обмена и господстве натурального хозяйства процесс дифференциации также преобладал. Нельзя не отметить, что и сейчас в силу разных причин имеют место процессы дифференциации. Однако в большей степе-

ни условия жизни новейших периодов человечества благоприятствуют развитию процессов интеграции.

Подтверждение этому особенно ярко заметно в наиболее динамично развивающемся ярусе языковой системы – лексическом. На этом языковом уровне процессы интеграции отражаются прежде всего в многочисленных заимствованиях (нередко гибридного характера), попадающих в коммуникативное пространство современного русского языка в результате тесного языкового взаимодействия. Наибольшее языковое влияние при этом оказывает язык международного общения – английский. Именно поэтому проблема англицизмов в современном русском языке не является новой (см., например, [3]): к настоящему моменту уже рассмотрена грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в современном русском языке [2], функциональный аспект их деривационной интеграции в русском языке конца XX века [4] и другие аспекты этой сферы исследования.

В рамках данной статьи особый интерес представляют окказиональные заимствования, представляющие собой на уровне мышления результат концептуальной интеграции, а на вербальном уровне – гибридные номинации, т.е. номинации, в структуре которых наблюдается сочетание двуязычных конституэнтов (в нашем случае речь идет о сочетании в составе новообразования русского и английского конституэнтов).

Рассмотрим данную проблему подробнее. Начнем с того, что обозначим содержание ключевых понятий этого вопроса – *окказионализм* и *концептуальная интеграция*. Окказиональный характер современного словообразования, т.е. творческий процесс создания нетривиальных номинативных единиц, заключается в том, что на языковую личность, как реципиента лингвистической новинки, оказывается определенное воздействие структурой, семантикой, эмоциональным, когнитивным и прагматическим потенциалом новой номинации. Окказионализм при этом понимается как не существовавшее ранее слово или словосочетание авторского характера, появляющееся и проявляемое в речи, с присущей ему постоянной новизной с течением времени и вне условий порождения, обладающее формой, значением и выражающее определенное понятие. Окказионализм на момент своего рождения характеризуется также появлением в конкретной коммуникативной ситуации (включающей в себя цель, тему, участников, хронотоп, сферу, мотив, прагматику), созданием по случаю и отсутствием широкого (частотного) ситуативного функционирования (подробнее об этом см.: [5]).

Что касается концептуальной интеграции, то ее суть подробно излагается в одноименной теории Ж. Фоконье и М. Тернера, где отмечается, что действие данной базовой когнитивной операции можно наблюдать на чисто графических образах – карикатурах, вывесках, рекламных плакатах и пр. Однако в большей степени концептуальная интеграция выражается на языковом уровне, когда в подсознании языковой личности происходит

смешение двух ментальных пространств, что объясняет появление особого (ментального) конструкта – концептуального бленда (подробнее см.: [8]).

Вербализация окказионального концептуального бленда структурно осуществляется при помощи таких словообразовательных способов, как блендинг и словосложение. Стоит заметить, что в данном случае блендинг является одним из вариантов развития лексической системы современного русского языка и его коммуникативного пространства по пути сжатия, поскольку представляет собой процесс образования новой лексической единицы на основе смешения двух исходных. Ключевой в этой связи является исследовательская позиция авторитетного ученого в области лексикологии и стилистики английского языка И.В. Арнольд. По ее мнению, основу механизма блендинга составляет процесс проникновения слов друг в друга и, как результат, их смешение. Они, подобно секциям телескопа, способны скользить друг в друга и образовывать новую языковую единицу, вербально упакованную по принципу портмоне (перевод наш – Н.К.) [1, с. 141] и обладающую сверхсуммативной семантикой.

Анализ современных окказиональных гибридных блендов позволяет выделить их различные словообразовательные типы, т.е. варианты усечения частей конститuentов, составляющих новую номинацию. Такие лексические отрезки («осколки») могут особым образом складываться друг с другом и наполнять коммуникативное пространство современного русского языка окказиональными новинками. К числу основных словообразовательных типов таких гибридных блендов относятся следующие:

1) «осколок» русского конститuentа + транслитерированный «осколок» английского конститuentа;

***Ватиликс (Ватикан + Викиликс)** – скандальная публикация конфиденциальной информации с целью дискредитации Папы Римского Бенедикта XVI (книга «Тайные документы Папы», автор Паоло Габриэле – личный секретарь Папы) [15, с. 6]; **Снегодзилла (снегопад + Годзилла)** – неофициальное название снегопада «Джонас», обрушившегося в 20-х числах января 2016 г. на восточное побережье Нового Света [10] и др.*

2) транслитерированный «осколок» английского конститuentа + «осколок» русского конститuentа;

***ньюзикл (ньюз (от англ. news – новости) + мюзикл)** – новая творческая история, придуманная Дмитрием Быковым, Андреем Васильевым и Михаилом Ефремовым. Каждое выступление предваряет нарезка из новостей, которым посвящено стихотворение, а самую злободневную новость Быков превращает в стихи, пока зал смотрит уже известные им ролики [11]; **селфицид (селфи + суицид)** – экстремальные селфи, ценой которых становится жизнь [9] и др.*

3) транслитерированный «осколок» английского конститuentа + транслитерированный «осколок» английского конститuentа

кидалт (от англ. *kid* – ребёнок + *adult* – взрослый) – незрелый взрослый, характеризующийся проявлением инфантильности в профессиональной деятельности (подробнее об этом оксюморониме см.: [6]) и др.

Упоминаемый ранее процесс языковой интеграции находит свое отражение не только в структуре современных окказиональных гибридных блендов, но и в их семантике. Так, например, новообразование *ойлигархия* можно проанализировать двояко: с одной стороны, это блендинг транслитерированного английского слова *oil* (*нефть*) и «осколка» русского слова *олигархия* со значением *олигархия, построенная на нефтяном бизнесе* [16]. С другой стороны, начальный конституэнт этого гибридного бленда представляет собой русскоязычное междометие *ой ли*, выражающее некий знак сомнения, недоверия, и которое в сочетании с «осколком» слова *олигархия* наделяется следующим семантическим содержанием: *шаткая, сомнительная, опальная олигархия* [16].

Похожая ситуация складывается с окказионализмом *олигофренд*, который, рассматривая, как блендинг русскоязычного слова *олигарх* и англоязычной транслитерированной номинации *френд* (от англ. *friend* – друг), можно истолковать следующим образом: *друг, являющийся по социальному статусу олигархом*. Одновременно с этим, однако, анализируемая окказиональная новинка является гибридным блендом, в котором вновь встречается англоязычное слово *френд*, но уже в сочетании со словом *олигофрен*. Такое сочетание гибридных конституэнтов позволяет интерпретировать исходный окказионализм по-иному: *друг, страдающий недоразвитием умственных способностей, слабоумием*.

Еще один вариант вербализации современных гибридных окказионализмов – словосложение. Напомним, что данный способ словообразования заключается в морфологическом соединении двух или более корней (основ), в результате чего образуется сложное слово или композит. Как и в случае с блендингом гибридные окказиональные композиты могут включать в себя один или два транслитерированных иноязычных конституэнта. Приведем примеры таких новообразований: *мутант-кар* (*мутант* + *кар* (от англ. *car* – машина)) – *немыслимые конструкции на колесах, которые являются реальным плодом воображения людей, участвующих в ежегодном фестивале “Burning Man”* [13]; *пати-бас* (*пати* (от англ. *party* – вечеринка) + *бас* (от англ. *bus* – автобус)) – *автобус, переделанный под ночной клуб на колесах* [14]; *котодайджест* (*кот* + *о* + *дайджест*) – *подборка фотографий с изображением кошек, посвященная Международному Дню Кошек (1 марта)* [12] и др.

Бесспорным является тот факт, что подобные окказиональные гибридные новообразования отражают процесс интеграции русского и английского языков. Несмотря на это пока они существуют только в коммуникативном пространстве языка в статусе русскоязычных лексических инноваций современного периода. Тем не менее они зачастую активно используются на просторах всемирной паутины, а также в различных

печатных и электронных СМИ, что, вероятно, может указывать на их достаточно высокий функциональный статус и потенциал для закрепления в качестве узувальных единиц языка.

В связи с этим вполне закономерно встает вопрос об экологичности / неэкологичности данных окказиональных гибридных номинаций для современного русского языка и его коммуникативного пространства. Ведь модус экологичности коммуникации всех видов коррелирует с психоэмоциональными факторами, конкретными эмоциогенными ситуациями, в которые попадает (втягивается через СМИ и искусство) эмоциональная языковая личность (*Homo sentiens*) и общество в целом. К такому положению дел нередко провоцируют СМИ, которые негативно воздействуют на психоэмоциональную сферу коммуникантов и на сам язык (подробнее см.: [7]).

Поэтому вполне объяснимы следующие вопросы: следует ли признать современные гибридные окказионализмы, как чуждый элемент русского языка и его коммуникативного пространства, или это естественный результат открытости русской лингвокультуры к межкультурному взаимодействию? Необходимо ли «очистить» современный русский язык и его коммуникативное пространство от этих неэкологичных окказиональных новинок и заменить их на исконно русские новообразования, как это пытались сделать в свое время такие знаменитые пуристы, как В.И. Даль, Г.Ф. Лавкрафт и др.? Быть может коммуникативная эмоциональная ситуация, в которой рождаются современные гибридные окказионализмы, способна моделировать положительное настроение пользователей таких речевых номинаций, способствовать эвокации приятных ощущений (оптимистичных, оздоравливающих, юмористических и т.п.), а, следовательно, наделять подобные новообразования экологичным зарядом?

Давайте порассуждаем об ответах на эти вопросы. Не вызывает сомнения тот факт, что появление любого окказионального слова происходит в рамках определенной коммуникативной ситуации, которая может обладать двойственной природой: с одной стороны, коммуникативная ситуация имеет все возможности для наделения новой номинации положительной энергетической мощью – *обалдайсы (обалдеть + айсы (жарг., от англ. ice – круто, классно, кульно))* – рубрика под названием «Нас удивили» в международном информационном портале «Город Героев» и др.; с другой стороны, если коммуникативная ситуация появления окказионализма включает в себя негативные эмоциональные переживания, эмоциональное давление и т.п., то имеет место насильственное, неэкологичное обращение с языком / речью – *хейтриотизм (хейтрид (от англ. hatred – ненависть) + патриотизм)* – чувство ненависти по отношению к людям или явлениям, на которые указывает власть) (семантика окказионализма приводится из личной переписки автора с Солодовниковой Н.Г. (от 13 апреля 2012 г.) и др. Постепенно это может вести, на наш взгляд, к разруше-

нию языка / речи и обуславливать эмоциональную дисгармонию в коммуникативном социуме.

Наряду с вышесказанным стоит обратить внимание на тот факт, что естественное стремление к чистоте языка, к изгнанию из него всяких посторонних элементов всегда сопровождает язык на его жизненном пути. Несмотря на свободное развитие языка есть посторонние новообразования, которые по ряду причин (отсутствие связи с составом и строем языка, неспособность к дальнейшему развитию, отсутствие благозвучия и др.) оказываются несвойственны данному языку. Как следствие имеет место пуризм, т.е. борьба против нового слова, которая нередко бывает внешним проявлением борьбы против новой идеи, переплетенной с общественными и политическими воззрениями.

Если обратиться к истории, то примеров такой борьбы можно найти много. Так, в Германии устраивались конкурсы с премиями за удачные слова для замены иностранных, получали свои особые названия предметы обихода, повсюду известные под международными названиями. В постпетровскую эпоху российская академия приступила к борьбе с заимствованиями, хлынувшими в русский язык в связи с реформой Петра I. Было постановлено говорить вместо *аудитория* – *слушальнице*, вместо *актер* – *лицедей* и др.

Здесь к месту вспоминается и более современный пример проявления пуризма, когда в связи с опубликованием нового списка санкций против России предлагается произвести полное импортозамещение иностранных слов в русском языке: вместо *менеджер* – *втюхиватель*, *айфон* – *залифон*, *айпад* – *залипад*, *гипермаркет* – *бродильник*, *портмоне* – *покупальник*, *кредитка* – *кабальник*, *банкомат* – *деньгоплюв*, *пинкод* – *забывальник*, *селфи-палка* – *палка-самощелка*, *шансон* – *ваенгостас*, *дефолт* – *лапасос*, *лайк* – *вошка*.

Конечно, все это не по-настоящему, а юмористически обыгрывается в одном из выпусков («Все лето в шляпе») популярного телевизионного шоу «Уральские пельмени». Однако, как говорят, в каждой шутке есть доля правды, и, возможно, филологическая общественность в недалеком будущем обратит внимание на эти новообразования, а время, как важнейший экстралингвистический фактор, сыграет свою роль в процессе вхождения окказиональных номинаций в пространство узуальной лексики языка.

С другой стороны, пуризм не может быть оправдан уже потому, что без заимствований не обходились самые самостоятельные языки. Развитой язык зачастую сам способен утилизировать чуждые ему элементы, о чем в свое время тонко подметил Х. Габеленц, сказав, что язык не терпит бесполезных двойников. Однако одновременно с этим язык может быть и zagrożен новообразованиями, для которых, вероятно, должна быть определенная мера. Данный факт собственно и рождает вопрос о критерии экологичности (чистоты) языка / речи, главным судьей в котором является история языка. Именно наблюдение за диахроническим развитием языка

поможет ответить на вопрос: была ли борьба против нового слова уместной, или без нее можно было обойтись.

Подведем некоторые итоги. Коммуникативное пространство современного русского языка представляет собой депозитарий гибридных окказионализмов, являющихся отражением концептуальной интеграции. Подобные новообразования существуют на уровне мышления в форме концептуальных блендов, а на вербальном уровне могут быть «упакованы» в виде слов-портмоне и композитов. Гибридность анализируемых окказионализмов заключается в том, что в их структуре наблюдается сочетание русско- и англоязычных конституэнтов. Данный факт позволяет отнести эти новообразования к заимствованиям, которые, с одной стороны, можно рассматривать как чуждый неэкологичный элемент коммуникативного пространства современного русского языка, а, с другой стороны – как результат экологичного межкультурного и межъязыкового взаимодействия.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка (на английском языке): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с.
2. Воробьева С.В. Грамматическая ассимиляция новейших англицизмов в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Сер. 1. Филология. – 2009. – № 5 (42). – С.178–186.
3. Гочияева Б.А. Англицизмы в русском языке // Международный журнал экспериментального образования. – 2011. – № 8. – С. 100–101.
4. Дьяков А.И. Деривационная интеграция англицизмов в русском языке конца XX века в функциональном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2001. – 290 с.
5. Коробкина Н.И. Концептуальная интеграция как способ языковой экономии: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 295 с.
6. Коробкина Н.И. Оксюмороним как семантическое единство противоположностей // Современная коммуникативистика. – 2016. – № 3 (22). – С. 13–18.
7. Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография) – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. – 504 с.
8. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. – Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 303–371.

Источники иллюстративного материала

9. Вести. – Телеканал «Россия 1». – 25.05.2015. – 14.00.
10. Еремина Н. Сильнейшая за 100 лет снежная буря парализовала США // Блокнот. Россия. 23 января 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://bloknot.ru/v-mire/sil-nejshaya-za-100-let-snezhnaya-burya-paralizovala>

[ssha-383077.html](#) (дата обращения 24.01.2016).

11. Кацман Ю. На ньюзикл надо идти! // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.snob.ru/thread/103> (дата обращения 21.03.2013).

12. Международному Дню Кошек посвящается [Электронный ресурс]. URL: <http://volha-1.livejournal.com/97346.html> (дата обращения 03.03.2013).

13. Орёл и Решка. Юбилейный сезон: Рино. США.

14. Орёл и Решка: Сан-Паулу. Бразилия.

15. Черных Е. Ротшильды и Рокфеллеры против Папы Римского // Комсомольская правда. – 28 февраля – 7 марта 2013. – № 9–т. – С. 6.

16. Эпштейн М.Н. Язык лукавого раба. Авторитарный язык // Российский сетевой журнал «Русский журнал». – 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Yazyk-lukavogo-raba> (дата обращения 15.12.2012).

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В МИКРОТЕКСТАХ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЖА»

Лашина Елена Борисовна
старший преподаватель
кафедры иностранных языков для неязыковых
направлений института филологии
иностранных языков и медиакоммуникаций ИГУ,
г. Иркутск
mhelena_20@mail.ru

Использование терминологических включений в тексте-реципиенте обусловлено связью художественного текста как возможного мира с реальным миром, ведущей к объективному использованию терминов в художественном тексте. Одним из таких факторов является фактор объекта

Он может реализоваться в нескольких микротекстах, формирующих образ персонажа, включая микротекст «Профессиональная деятельность персонажа».

Изображение персонажа как представителя определенной профессии является важной составляющей при формировании его образа.

В художественном тексте информация о профессиональной деятельности персонажа может сообщаться как эксплицитно, так и имплицитно.

При эксплицитном способе принадлежность персонажа к определенному роду деятельности обозначается непосредственно путем наименования, обозначающего профессию:

«I should explain,» he added, «what I was really too cold and fatigued to do before, that I am an experimental investigator,».

«Indeed, sir,» said Mrs. Hall, much impressed.

«And my baggage contains apparatus and appliances.» [4, с 15].

Род занятий персонажа вводится эксплицитно: путем прямого наименования его профессии – *experimental investigator*. Принадлежность к определенной профессии, как правило, влечет за собой использование в тексте реципиенте терминологических включений из тех прототекстов, на которые ориентирована та или иная профессия. Данный пример может служить тому подтверждением. В нем термины *apparatus* и *appliances* возникают уже в рамках микротекста, образуя терминологическую цепочку, которая по мере разворачивания текста пополняется другими терминами: *solid* (твердое тело), *liquid* (жидкость), *refractive index* (коэффициент преломления), *reflection* (отражение), *refraction* (преломление), *molecule* (молекула), *hydrogen* (водород), *coal gas* (углекислый газ), *larvæ* (личинка), *naupili* (науплиус), *tornaria* (торнария) и др.

Имплицитный способ введения информации о профессиональной деятельности персонажа характеризуется тем, что эта информация вводится косвенно через указания на какие-то предметы, атрибуты, связанные с той или иной профессией. Часто в качестве косвенных указателей на профессию персонажа выступают термины:

It is, of course, well known to you that in a successful banking business as much depends upon our being able to find remunerative investments for our funds as upon our increasing our connection and the number of our depositors. One of our most lucrative means of laying out money is in the shape of loans, where the security is unimpeachable [3, с 181].

Термины из экономического прототекста *investments* (инвестиции), *fund* (фонд), *depositor* (вкладчик), *loan* (ссуда) косвенно информируют читателя о принадлежности персонажа к банковскому делу. В экономическом прототексте *инвестиции* определяются как совокупность средств, реализуемых в форме долгосрочных вложений капитала в различные отрасли экономики. Под *фондом* понимаются денежные или материальные средства, аккумулируемые с определенной целью. Термин *вкладчик* может быть определен, как лицо, вносящее денежные средства в банк на определенных условиях. *Ссуда* – это передача денег или материальных ценностей по договору займа юридическому или физическому лицу на условиях возврата [1]. В данном микротексте, как и в других микротекстах, посвященных описанию профессиональной деятельности персонажей, термины выполняют характеризующую функцию. Владение терминологией в той области научных знаний, к которой принадлежит персонаж, является необходимым качеством профессионала.

На примере микротекстов, сообщающих о профессиональной деятельности персонажей и других микротекстов, анализируемых в третьей главе, вырисовывается общая тенденция включения терминов в художественный текст. Этой тенденцией является введение терминов по принципу «готовых вещей», при котором терминологические включения вносятся в художественное произведение как заведомо готовые образцы. Подобное

использование готового языкового материала У. Неубер назвал бессубъектным диалогом [2, с. 253].

Профессиональная деятельность персонажа, как правило, обуславливает сквозной характер использования терминов в художественном произведении, выполняя тем самым не только характеризующую, но и сюжетную функции. Благодаря сюжетной функции, все события текста «приклеиваются» к профессиональной деятельности персонажа. Их совокупность позволяет раскрыть личностные характеристики персонажа, его творческие способности, отношение к миру вещей и миру людей.

Вспомним персонажа серии рассказов М.А. Булгакова «Записки юного врача». Через его деятельность на поприще врача прослеживается путь героя от неуверенного в себе начинающего врача до профессионала в своей области. Через события, с которыми персонаж сталкивается в своей профессиональной деятельности, формируется динамичный образ, показывающий постоянное стремление персонажа к совершенствованию своих знаний, личностное развитие человека-профессионала, движимого установкой помочь больному. Отношение к своей профессии и больным в итоге вознаграждается заслуженным уважением со стороны односельчан.

Профессиональная деятельность – это социальная ролевая деятельность. Через изображение персонажа как представителя определенной профессии писателю предоставляются огромные возможности вскрыть социальные проблемы. Здесь ярким примером могут служить рассказы Д.Г. Лоуренса. Все его рассказы насыщены терминологическими включениями из области горного дела. Они направлены на создание реалистической картины нелегких трудовых будней персонажей. В рассказах «Запах хризантем» («*Odour of Chrysanthemums*») и «Больной шахтер» («*A Sick Collier*») поднимается проблема обнищания шахтеров. Бессилие и незащищенность «маленького человека» перед индустриализацией раскрывается в описаниях тяжелых условиях труда шахтера («Запах хризантем» («*Odour of Chrysanthemums*») и «Кристины» («*The Christening*»)). Стремление к обогащению владельцев шахт не сопровождается созданием безопасных условий труда, что часто приводит к обвалам в шахте и к гибели людей («Запах хризантем» («*Odour of Chrysanthemums*»)) или тяжелым травмам («Больной шахтер» («*A Sick Collier*»)).

В рассказах Д.Г. Лоуренса терминологические включения выполняют сюжетную функцию. Сюжетная функция обуславливает сквозной характер использования терминов в тексте-реципиенте.

Итак, термины, используемые для передачи информации о профессиональной деятельности персонажа отличаются большим разнообразием, имеющие место в той или иной профессиональной сфере.

Список литературы:

1. ТСЭТ, URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-15/> – Коноплицкий В. Это бизнес. Толковый словарь экономических терминов [Электронный ресурс] / В. Коноплицкий, А. Филина. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/biznes-15/>.
2. Neuber, W. Topic und Intertextualität [Text] / W. Neuber // Intertextualität in der fruhen Neuzeit. – Frankfurt am Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1994. – S. 232-258.
3. Conan Doyle, A. The Adventure of the Beryl Coronet [Text] / A. Conan Doyle // The Adventures of Sherlock Holms. – М. : Manager, 2006. – P. 178-214.
4. Wells, H.G. The Invisible Man [Text] / H. G. Wells. – М. : Manager, 1998. – P. 4-210.